

ПТУШКІ І МЫ

№10
'2007

БОЛОТА БЕЛАРУСИ. МЫ НЕ ДОЛЖНЫ ИХ ПОТЕРЯТЬ!

Десять тысяч болот на Беларуси. И десять тысяч озер. Удивительное совпадение. Нашу страну называют «Беларусь синеокая». Звучит с гордостью за нашу природу.

Несмотря на всесокрушающую мелиорацию прошлого века, сегодня наши болота с их уникальным животным и растительным миром – пример для всей Европы. Белорусские болота включены в международные природоохранные конвенции и соглашения.

Многие мелиорированные земли превратились в луга и пашни. Но сколько осушенных земель оказалось сегодня бесхозными, бесполезными для человека! Ушла вода, почвы не плодородны, леса не растут, землю терзают пожары...

Торфяник – это природное тело, созданное временем. В нем дни, годы, века, тысячелетия. В нем – травы и деревья, птицы и звери... В нем история и энергия Земли.

Рост – сокровенное свойство живого. Растет все живое, растем и мы с вами...

Растет и болото. Но как? По своим законам. Это – неторопливая поступь через тысячелетия: болото растет вверх со скоростью примерно 1 миллиметр в год. 1 метр торфа – за каждые 1000 лет жизни.

Торф горит, в этом его привлекательность для человека. Нам нужна энергия. И ежегодно планета получает десятки, сотни миллионов тонн золы, пепла, углекислого газа. При этом сгорают миллиарды тонн кислорода. Таково «дыхание» топок. Темнеет атмосфера, ухудшается микроклимат.

Кислород бесплатен, пока есть болота. Но ведь мы живем в кредит. И кредитор беспощаден. Килограмм торфа равен 1,5 кг кислорода. Если болото живое – мы его получим. Если торф сгорит – кислород из воздуха исчезнет. Пока что наши болота дают кислород и нам, и нашим соседям.

В 2006 году в Беларуси стартовал проект ПРООН-ГЭФ по восстановлению нарушенных болот – 17 нарушенных болот общей площадью 42 тысячи гектар. Если проект удастся, он позволит начать с нуля вековые болотные процессы сразу в семнадцати уголках Беларуси. Исчезнут мертвые пятна разрушенных болотных систем. Нужно сделать так, чтобы Беларусь из «синеокой» никогда не превратилась в «Беларусь никакую».

Что мы оставим нашим внукам и правнукам: цветущий край или безжизненную пустыню – решение нужно принимать уже сегодня...

Игорь Бышнев

2-я страница обложки
Болота Беларуси.
Жады, Гладынский мох, Долбенишки, Островское, Забелянский мох, Липово, Морочно, Скураты, Черный мох.
Мы не должны их потерять!
Фото Александра Козулина, Сергея Зуенка, Игоря Бышнева

ЗМЕСТ

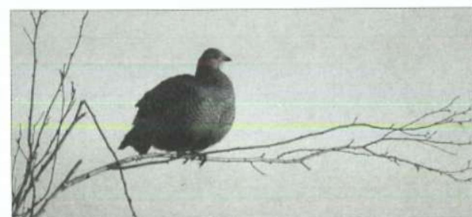
ПТУШКІ І МЫ
№10'2007

На здымку: **АРОЛ-МАРКУТ**
(фота С.Плыткевіча)

Распаўсюджваецца бясплатна сярод сяброў АП

Наш адрас:
АПБ, а/с 306, Мінск, 220050, Беларусь
Тэл.: (017) 263 01 30. Факс (017) 263 06 13
E-mail: APB@tut.by.
http://ptushki.org

Дзейнасць АПБ падтрымліваецца Каралеўскім Таварыствам Абароны Птушак (RSPB), партнёр BirdLife International у Вялікабрытаніі

АПБ з'яўляецца афіцыйным прадстаўніком BirdLife International у Беларусі

Отпечатано в ООО "Юстмаж". Лиц. № 02330/0131681 от 30.04.2004 г. Тираж 290 экз. Заказ №831.

БОЛОТО БУДЕТ ЖИТЬ?

Проблемы деградации торфяных болот Беларуси и перспективы их восстановления

Александр КОЗУЛИН

Среди белорусов сложилось понимание и ощущение того, что Беларусь – это страна с уникальными болотами и населяющими их уникальными животными и растениями. Такое же мнение и у большинства зарубежных гостей, приезжающих в Беларусь посмотреть именно на болота, сохранившиеся в первозданном состоянии, и на те растения и животных, которые уже исчезли или стали очень редкими в Западной Европе. В последние годы интерес к торфяным болотам существенно возрос в связи с выяснением их роли в глобальном изменении климата и с возможной коммерческой выгодой от накопления болотами углерода.

Однако все ли хорошо с национальным брендом Беларуси – болотами? В каком они состоянии сейчас? Какие перспективы сохранения этих уникальных ландшафтов остаются в условиях столь быстро развивающейся цивилизации?

Вначале попытаемся разобраться с площадями. В 60-е годы прошлого века торфяные болота занимали 2939 тыс. га, или 14,2 % всей территории страны. В результате крупномасштабного осушения в период с 1950-го по 1990-й год более 46% торфяных болот с площадями более 100 га были осушены. До настоящего времени по разным оценкам около 1 345 тыс. га торфяных болот Беларуси (или 6,4% территории страны в сравнении с 3,4% в среднем по миру) по-прежнему остаются в состоянии, близком к естественному.

Значительную часть осушенных болот относят сейчас к деградированным землям, дальнейшее экономически эффективное использование которых невозможно по разным причинам. По предварительным данным, в настоящее время общая площадь нарушенных болот составляет около 519 000 га:

– 295 000 га – выработанные и разрабатываемые торфяные месторождения;

– 24 000 га – неэффективно осушенные лесные земли (оценка площади неполная);

– 200 000 га – неэффективно осушенные сельскохозяйственные земли. (Земля Беларуси, 2001).

Кроме того, площадь деградированных торфяных почв, использующихся в сельском хозяйстве, в 2000 году составляла 190,2 тыс. га и за последние 5 лет увеличилась до 217,4, а к 2020 году возрастет до 325,6 тыс. га (Земля Беларуси, 2001). В результате полной деградации торфяного слоя на поверхность вышли пески, ранее подстилавшие торф.

Нарушенные болота можно разделить условно на три группы. В первую группу входят болота, на которых добывали торф. Ранее из-за отсутствия научных знаний планировалось, что выработанные участки после добычи торфа будут использоваться для ведения сельского или лесного хозяйства. Однако, как показал опыт и научные данные, экономически эффективное их использование в лесном или сельском хозяйстве в большинстве случаев невозможно по объективным причинам. В настоящее время эти выработанные участки практически не используются, но на них продолжает действовать осушительная сеть, приводящая к высыханию остаточного слоя торфа. В результате, выработанные торфяные месторождения стали основными крупнейшими очагами торфяных пожаров. Выработанные торфяники со временем зарастают кустарниками, малопродуктивными лесами, однако новые торфяные пожары в засушливые годы вновь уничтожают растительность.

Вторую группу нарушенных болот составляют болота, осушенные для повышения продуктивности лесов. Ранее существовало мнение, что продуктивность лесов на всех типах болот может быть существенно повышена за счет их осушения. Однако, как показала практика и мониторинговые данные, строительство осушительных систем на верховых болотах и ольшаниках не привело к положительным результатам. В результате снижения уровня воды и иссушения торфа на таких территориях исчезли типичные болотные растения и животные, наблюдаются интенсивные сукцессионные процессы смены растительности. Осушение не дало положительного эффекта повышения продуктивности, но привело к

Кинохроника осушения.

40–60-е годы XX века

многократному повышению пожароопасности. Общеизвестно, что такие лесомелиоративные объекты становятся очагами постоянных крупных торфяных пожаров. В таком состоянии многие болота находятся уже не одно десятилетие, и на тушение пожаров на них периодически тратятся немалые средства. Мало кому приходит в голову, что для борьбы с пожарами гораздо проще и дешевле закрыть осушительную сеть на болоте, а не ежегодно совершенствовать службу тушения пожаров.

В третью группу нарушенных болот входят мелиоративные системы, дальнейшее эффективное использование которых в сельском хозяйстве невозможно по целому ряду причин (полное

АЛЕКСАНДР КОЗУЛИН

срабатывание торфяного слоя, низкая балльность земель, невозможность осушения из-за заиления водоприемников и т.д.). Стоимость работ по реконструкции и эксплуатации таких систем не может быть экономически выгодной.

Среди основных проблем, которые возникают в связи с наличием и расширением площади деградированных торфяных болот, следует упомянуть торфяные пожары, выделение в атмосферу диоксида углерода, снижение биологического разнообразия. Ежегодно от 4 до 12 тысяч га осушенных торфяников и окружающих их лесов и других экосистем уничтожается огнем. По данным МЧС, только в 2002 году на борьбу с торфяными пожарами государством было потрачено около 1,5 млн. долларов США. Данная проблема особенно актуальна для территорий, загрязненных радионуклидами, где пожары инициируют концентрацию и миграцию радиоактивных элементов. Это является одной из ключевых экологических проблем, на решение которой направлены усилия правительства в рамках Государственной программы по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС. Актуальность проблемы отображена также в недавнем отчете ООН по гуманитарным последствиям катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Деградированные болота являются одним из существенных источников выделения в атмосферу диоксида углерода в результате минерализации торфа и залповых выбросов CO_2 при торфяных пожарах. Вступление в силу механизмов Киотского протокола значительно снизит возможности страны в торговле квотами на парниковые газы при учете выделения диоксида углерода с нарушенных торфяных болот.

Выработанные участки для добычи торфа или объекты лесной мелиорации, как правило, являются частью крупных торфяных болот, и осушительные системы этих участков нарушают гидрологический режим всего болота. В результате, гидрологический режим большинства естественных болот значительно нарушен, что, в свою очередь, ведет к снижению уникального биологического разнообразия, типичного для естественных болот. Наиболее полно проблемы, связанные с нарушенными болотами, отражает высказывание академика Н.Н. Бамблова: «В результате развития процессов деградации торфяных почв в центре Европы начинает формироваться большая антропогенно деградированная зона, так как отдельные очаги полностью деградированных торфяных почв увеличиваются в размерах, и возникает угроза их соединения. Это будет иметь крайне негативные последствия не только для Беларуси, но и для Западной Европы, так как в результате возможной аридизации климата на локальном и субрегиональном уровнях на больших территориях снизятся урожаи, и будет нанесен большой ущерб биологическому разнообразию».

Одной из важнейших задач для решения региональных и глобальных экологических проблем является восстановление нарушенных болот, эффективное использование которых не возможно по разным причинам. Важность торфяников для глобального климата признается и на мировом уровне. Резолюция Рамсарской Конвенции 2002 года COP8 VIII.3 по «заболоченным землям и изменению климата» призвала страны – стороны конвенции – минимизировать деградацию, а также продвигать восстановление торфяников как важных хранилищ и захоронений углерода. Деградация земель и природных экосистем в результате минерализации торфа на осушенных землях и де-

градация болот в результате добычи торфа признается «Национальной стратегией устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года» (одобрена правительством Беларуси в 2004 году) важной национальной проблемой. Стратегией для восстановления природного и хозяйственного потенциала нарушенных земель планируется осуществление комплекса рекультивационных мероприятий. В результате планируемых мероприятий к 2011-2020 годам ожидается повышение до 15-17% доли восстановленных земель от общей площади нарушенных. Стратегией отмечается также, что в государственной поддержке нуждаются не только осушенные земли, но и территории с сохранившимися пока естественными болотными экосистемами.

Необходимо отметить, что в Беларуси в результате появления новых научных знаний и изменения экологического образования всех слоев населения сложились предпосылки для коренного пересмотра отношения к болотам и в частности – к вопросу о восстановлении нарушенных болот. Значительный вклад в изменение ситуации внес международный проект ПРООН-ГЭФ по восстановлению нарушенных болот. Большая часть выработанных торфяных месторождений передается сейчас лесхозам с формулировкой «для повторного заболачивания и лесовосстановления». Кроме того, все чаще торфобрикетные предприятия после выработки торфа сами выполняют работы по повторному заболачиванию и только после этого передают земли лесхозам. Однако это только первые шаги в направлении устойчивого использования торфяных болот, и многое еще предстоит сделать.

Восстановление болот не только решает насущные экологические проблемы (прекращение торфяных пожаров, восстановление биологического разнообразия, регионального микроклимата), но и имеет значительные перспективы в соответствии с Европейским проектом торговли эмиссией диоксида углерода. По расчетам международных экспертов, в случае если бы уже в настоящее время действовал механизм торговли квотами на парниковые газы, то уменьшение эмиссии парниковых газов на 0,2 – 0,4 миллиона тонн в CO_2-эквиваленте при заболачивании 42000 гектаров деградированных торфяников обеспечивало бы получение страной 5–10 миллионов евро ежегодно. Вступление этого механизма в силу ожидается в ближайшие годы. Однако к этому времени необходимо научиться правильно выполнять повторное заболачивание.

ТОЛЬКО ЦИФРЫ

В начале 1960-х торфяные болота занимали 14,2% всей территории Беларуси. Сегодня – 6,4%.

Общая площадь нарушенных и неэффективно используемых болот в Беларуси составляет около 4500 тыс.га.

Около 1,5 млн. долларов в год уходит в Беларуси на борьбу с торфяными пожарами.

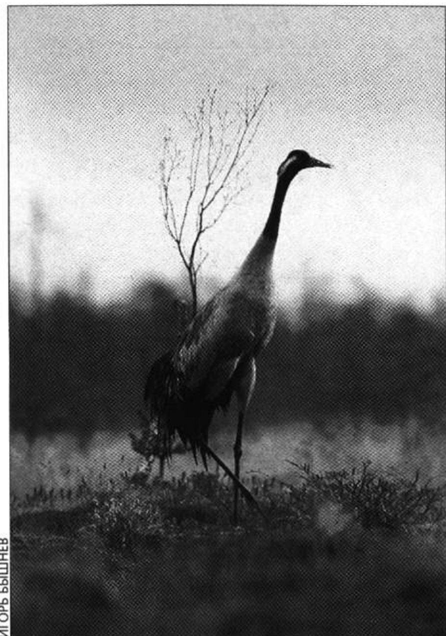
Осушение болот привело к исчезновению 11 видов растений с территории Беларуси.

Каждый год в осушенном болоте торфяной слой уменьшается на 1-2 см. В живом болоте слой торфа нарастает всего на 1 мм в год.

В связи с этим второй насущной задачей является разработка методики выполнения работ по повторному заболачиванию. Конечной целью работ по заболачиванию является создание живого болота, которое опять начинает выполнять свои функции по депонированию диоксида углерода из атмосферы и на котором восстанавливается типичная флора и фауна. Однако достичь этой цели непросто. В настоящее время в Беларуси повторное заболачивание понимается и сводится к простому подъему уровня грунтовых вод без необходимых научных обоснований. В результате, в большинстве случаев на месте выработанного торфяного месторождения формируется мелководный водоем, с которого начинается повышенное выделение метана – второго по значимости парникового газа. На месте низинного болота мелководный водоем через несколько десятков лет, в результате зарастания водной растительностью, превратится в болото. Однако если водоем формируется на бывшем верховом болоте, то он не зарастает растительностью многие десятилетия. Таким образом, в результате ошибок при выполнении повторного заболачивания создаются условия для выделения метана и, кроме того, восста-

АЛЕКСАНДР КОЗУЛИН

ИГОРЬ БЫШНЕВ

новление болота откладывается на многие десятилетия. В то же время в некоторых странах достигнут положительный опыт формирования болот на месте выработанных торфяных месторождений в течение всего нескольких лет. Эффект достигается за счет соблюдения следующих принципов. На верховых болотах сразу после завершения добычи торфа выработанные поля покрываются тонким слоем частей растений и мхов с естественных болот (обычно срезается 30 см верхнего слоя естественного болота), и сразу после этого повышается уровень воды до уровня почвы. На низинных болотах такой же эффект может быть достигнут рассеванием семян осок с естественных болот и подъемом уровня воды до уровня поверхности почвы. Обязательным условием быстрого формирования болот является подъем уровня воды только до поверхности почвы, для этого из-за неровностей рельефа необходимо строительство целого каскада плотин.

Деградация торфяников имеет более значительные последствия для изменения климата, чем вырубка лесов

Межправительственная группа экспертов по изменению климата (IPCC) наконец начала признавать воздействие деградированных торфяников на изменение климата. В течение долгого времени Рамочная Конвенция ООН по изменению климата (UNFCCC) и Межправительственная группа экспертов по изменению климата (IPCC) в рамках своей политики и в ежегодно представляемых отчетах об изменении климата не уделяли особого внимания огромным выбросам CO_2 с деградированных торфяников. Но в настоящее время ситуация изменилась.

18 мая 2007 года в Бонне завершилась подготовительная сессия Всемирной конференции по изменению климата, которая пройдет в декабре на острове Бали. Участники обсудили меры по снижению последствий глобального потепления, сокращению эмиссий парниковых газов и будущее Киотского протокола. В своем докладе «Снижение последствий изменения климата» рабочая группа IPCC определила важность влияния торфяников на глобальное изменение климата.

Это признание является важным шагом, сделанным международными экологическими организациями, которые подсчитали, что как минимум 8% выделяемого в настоящее время в атмосферу углекислого газа является результатом неустойчивого управления торфяными болотами в юго-восточной Азии, территория которых составляет 0,2% общей поверхности суши.

В докладе дается графическое представление выбросов парниковых газов из деградированных торфяников, существование которых до недавнего времени не принималось во внимание. Приведенный график показывает, что с 1990 года глобальные выбросы CO_2 в результате разрушения торфяников превысили выбросы, связанные с вырубкой лесов. Другой немаловажный вывод доклада, в соответствии с мнением одного из авторов доклада г-на Д.Мартино, – то, что «восстановление нарушенных и деградированных торфяников является ключевой и низкозатратной стратегией снижения выбросов парниковых газов».

In his article «The mire will live» Dr Alexander Kozulin analyses the problem of degradation of peatlands of Belarus and perspectives of their restoration. In 1960s peatlands covered 2939 thousand ha or 14,2% of the area of Belarus. Large scale melioration campaign in 1950-1990's resulted in drainage of 54% of peatlands. At present, a large part of them is considered to be degraded lands and can't be used effectively any longer. According to preliminary data, the area of such degraded peatlands in Belarus is about 398 thousand ha. The main problems that these mires face are peat fires, CO_2 emissions, and biodiversity loss. About 1,5 million dollars are spend each year in Belarus on fighting peat fires. Mire drainage has lead to extinction of 11 species of plants in Belarus. Each year, the peat layer in degraded mire decreases by 1-2 cm whilst peat layer of a mire in a natural state «grows» each year by only 1 mm.

«The National Strategy of social and economical development of the Republic of Belarus for the period until 2020» envisages implementation of a complex of re-cultivation measures for restoration of natural state of degraded lands. In the result, by 2011-2020 there is expected an increase of restored lands by 15-17% of the total area of degraded.

Restoration of mires is not only a solution to ecological problems; it also has big perspectives in view of development of European project on peatland restoration and carbon trade. According to calculations of international experts, a decrease in green house gases emissions by 0,2-0,4 million tones in CO_2 equivalents as the result of restoration of 42000 hectares of degraded peatlands in frames of UNDP-GEF project could bring 5-10 million euro each year if a mechanism to trade carbon emissions was in place. Establishment of such a mechanism is expected in the coming several years. Until then, it is necessary to develop correct ways of mire restoration. This aim is targeted by UNDP-GEF project on restoration of degraded peatlands which was launched in Belarus in 2006. The main aim of the project is to develop legislative and scientific base for restoration of degraded peatlands and approbation of restoration methods worked out in frames of the project at 17 sites with total area of 42 thousand hectares.

ДЗЕ ЗІМУЕ ВЯРТЛЯВАЯ ЧАРОТАЎКА?

Віктар ФЕНЧУК

Вяртлявая чаротаўка

Неверагодна, але славутая на ўсю Еўропу вяртлявая чаротаўка была, бадай, адзінай еўрапейскай птушкай, месцы зімоўкі якой не толькі дакладна, але нават і прыкладна да апошняга часу не былі вызначаны. Развіццё тэхналогій і распрацоўка спадарожнікавых перадатчыкаў далі магчымасць даведацца болей пра міграцыйную стратэгію і месцы зімовак шмат якіх мала вывучаных птушак. Але, на жаль, тэхналогіі не зайшлі яшчэ так далёка, каб стварыць перадатчык, прыдатны для такой маленькай вераб'інай птушкі.

Адсутнасць інфармацыі пра месцы зімоўкі ставіла пад пагрозу ўсю вялікую работу, што вялася па захаванні месцаў гнездавання і міграцыйных прыпынкаў у Беларусі, Украіне, Польшчы, Францыі і іншых краінах з гнездавога і міграцыйнага арэалу. Сітуацыя ў Афрыцы нагадвала Беларусь на пачатку кампаніі па меліярацыі – шмат вельмі цэнных тэрыторый было згублена да таго, як іх вартасць была належным чынам даследавана і ацэнена.

Дзеля таго каб звузіць геаграфію месцаў зімоўкі вяртлявай чаротаўкі, Рабочай групай BirdLife па захаванні вяртлявай чаротаўкі і нацыянальнымі партнёрамі BirdLife (у першую чаргу – Каралеўскім таварыствам аховы птушак з Вялікабрытаніі) была праведзена вялікая падрыхтоўчая работа. Быў прааналізаваны радыевуглеродны "почарк" у пер'ях вяртлявых чаротавак і параўнаны з радыевуглеродным аналізам пер'яў афрыканскіх немігруючых птушак, якія маюць падобную дыету. У першую чаргу – з адным з відаў цістыкал. Разам з біякліматычным мадэляваннем гэта звузіла геаграфію пошуку да рэгіёну ў Афрыцы між 50-150 паўночнай шырыні.

Абапірацца таксама прыходзілася на нешматлікія рэгістрацыі вяртляўкі на зімоўцы, якіх за амаль 100 гадоў даследаванняў Афрыкі ў літаратуры накапілася ўсяго некалькі дзесяткаў, а таксама на даволі свежыя назіранні за чаротаўкай галандскімі арнітолагамі падчас вывучэння кулікоў і колпіцы – від, які толькі пачынае рэ-каланізаваць Галандыю.

Адпраўным пунктам, адкуль было вырашана пачаць пошукі вяртлявай чаротаўкі ў Афрыцы, стаў Нацыянальны парк Джудж – першае вялікае водна-балотнае ўгоддзе на шляху мігруючых вяртлявых чаротавак пасля пералёту ўздоўж заходняга краю Сахары.

Нацыянальны парк Джудж

Нацыянальны парк Джудж, ці, калі быць дакладным, Нацыянальны парк птушак Джудж, – гэта і ёсць птушыны вырай. Амаль 3 мільёны птушак – мясцовых і пералётных, што належаць да 366 відаў, – штогод знаходзяць тут вельмі спрыяльныя ўмовы для жыцця. У першую чаргу, гэта водна-балотныя – гусі, качкі, чаплі. Для іх цяжка ўявіць што-небудзь лепшае, чым мелкаводныя азёры і балоты Джуджа.

Тэрыторыя пакуту ад спустошання – пясчаныя дзюны паволі наступаюць з поўначы. Найвялікшае возера Гранд Лак паволі запаўняецца пяском, гэта павялічвае хуткасць яго перасыхання. Але, нягледзячы на гэта, Нацыянальны парк Джудж застаецца адным з найлепшых у Афрыцы месцаў для назірання за птушкамі (паводле розных крыніц, Джудж уваходзіць у "Топ-10" месцаў для назірання за птушкамі ў Афрыцы). За сваю выключную ролю для зімуючых водна-балотных птушак, Джуджу быў нададзены статус Рамсарскага ўгоддзя.

Нацыянальны парк размешчаны ў пойме ракі Сенегал – вялікай ракі, што аддзяляе Сенегал ад Маўрытаніі. У барацьбе з паступовым засаленнем грунтовых вод, а таксама каб зрабіць раку судаходнай цэлы год, на рацэ былі пабудаваныя дзве вялізныя дамбы, а бераг ракі – аддамбаваны. Таму воднабалотныя ўгоддзі парка зараз – прыклад цалкам кантралюемай гідралагічнай сістэмы. Запуск і выпуск вады сюды ідзе праз сістэму шлюзаў і каналаў, а для маніторынгу ўзроўню вады па ўсёй тэрыторыі парка ўсталявана сетка адмысловых мерных лінеек.

Экспедыцыя

Амаль 30 чалавек было падзелена на некалькі невялікіх груп, у кожнай з якіх было па некалькі еўрапейцаў і сенегальцаў. Кожная група мела поўны камплект абсталявання, неабходнага для лоўлі птушак, а таксама ўзяцця пер'яў і крыві для аналізу на выпадак, калі будзе злоўлена вяртлявая чаротаўка.

GAETAN GUYOT

Інтрыга захоўвалася некалькі дзён. Мы метадычна "прачэсвалі" розныя біятопы, у якіх былі папярэднія рэгістрацыі вяртлявай чаротаўкі. Спачатку работа вялася ў вільготным біятопе накшталт моцна закустаранай саваны – дакладна ў тым месцы, дзе 10 год таму была адлоўлена вяртлявая чаротаўка. Лавілі і ў заросшай берагавой лініі невялікага мелкаводнага возера. Пасля некалькі каманд працавалі ў густых рагозавых плаўнях уздоўж ракі Сенегал, дзе, як паведамлялі галандскія арнітолагі, чаротаўка спявала "ў вялікай колькасці". Лініі сетак таксама стаялі ў чаротавых зарасніках. Але чаротаўкі не было! Затое – шмат іншых цікавых і рознакаляровых птушак – некалькі відаў фантастычных зімарадкаў і шчурак, розныя дробныя вераб'іныя. Каб быць упэўненымі ў адсутнасці вяртлявай чаротаўкі ў якім-небудзь месцы і пазбавіцца спакусы пераносіць сеткі штодзень у іншае месца, камандам быў устаноўлены мінімальны тэрмін працы на адным месцы лоўлі – 2 поўныя дні.

Толькі на чацвёрты дзень, пасля чарговай змены месца, прыйшоў доўгачаканы вынік – першая вяртлявая чаротаўка злоўлена! Быццам бы ў падзяку за шматгадовыя клопаты, першым чалавекам, якому пашчасціла дастаць з сеткі вяртлявую чаротаўку, быў Марцін Фладэ – кіраўнік рабочай групы і галоўны рухавік яе дзейнасці. Пасля гэтага кожны дзень лоўлі амаль у кожнай групе быў выніковым.

Адметным месцам для лоўлі вяртлявай чаротаўкі стала балота, размешчанае каля невялікай вёскі Тыгет (Tiguet). Кожную раніцу мы раскрывалі сеткі пад гучанне ранішняга намазу і пад намаз жа спынялі нашу працу. Калі б чаротаўкі мелі здольнасці да гукападраджання, то тыгецкіх птушак мы бы лёгка пазнавалі на нашых балотах па фрагментах намазу ў песнях.

Гэта балота вельмі падобнае да аптымальных месцаў гнездавання чаротаўкі на Спораўскім балоце – дзе, дарэчы, адзначана найвялікшая шчыльнасць гэтай птушкі. Увогуле, даследаванні пацвердзілі "вузкаспецыялізаванасць" вяртлявай чаротаўкі – нават для зімоўкі яна выбірае месцы, падобныя да яе гнездавых біятопаў.

KLEMENS STEIOF

Малыя шчуркі

GAETAN GUYOT

Жыццё балота

Такая ж самая дамба з дарогай на ёй за спінай і адкрытае роўнае балота, як і беларускія славутыя Званец ці Спораўскае з рэдкімі кустамі ці дрэўцамі ды "плямкамі" рагозу. Толькі замест лазовых кустоў – акацыя, а замест асакі – злакі з роду "Sporolobus". Але гэта можна заўважыць, толькі калі зойдзеш у балота.

Ды і рытм жыцця гэтага балота зусім іншы. Пакуль навокал яшчэ цёмна, дробнымі чародкамі на днёўку на возера прылятаюць белатваравыя свісцячыя качкі, ці качкі-ўдовушкі. З ракі паасобку і даволі буйнымі групамі да месцаў днёўкі вяртаюцца кваквы. На адно такое месца днёўкі кваквы мы трапілі яшчэ ў самы першы дзень і былі ўражаныя колькасцю гэтых птушак – звыш за тысячу. Як толькі пачынае світаць, з начоўкі ў рагозавых плаўнях на адкрытае балота вылятаюць ластаўкі-зямлянкі. Нават калі яны ляцяць за спінай, шум пралятаючых адна за адной чародак чуеш вельмі добра. Ластаўкі ляцяць вельмі нізка, паўтараючы рэльеф і абляташчы сеткі. Іх шмат – чародкі па 200-300 птушак змяняюць адна адну, тысячы птушак пралятаюць за паўгадзіны.

Світае яшчэ больш, ранішні туман паволі адыходзіць, пакідаючы моцную расу на траве. Прачынаецца кукал, галасна вухае на ўсё наваколле і быццам бы будзіць цістыкал, якія пачынаюць трашчаць з кустоў і травы. Прачынаюцца луні – балотныя і поплаўныя. Пачынае лётаць сюды-туды розная дробязь. З шумам праносяцца на балота вялікай чарадою ткачыкі – верная прыкмета таго, што прыйдзецца выпутваць з сеткі іх добры дзесятак. На раку клінам па 200-300 птушак ляцяць бакланы і ружовыя пеліканы. Дзень прыйшоў!

Кукалы – адні з нямногіх птушак, што рады нашай прысутнасці. Па выглядзе і паводзінах яны чымсьці нагадваюць сарок і вялікіх грычуноў – увесь час круцяцца вакол сетак, выбіраючы спрыяльны момант, каб ухапіць якую дробную птушку. Астатнія птушкі, у сваёй большасці, да нас індыферэнтныя. Спачатку гэта выклікала здзіўленне – чаму качкі, гусі амаль не палохаюцца прысутнасці чалавека? У нас чародка гусей рэзка змяняе кірунак палёту, як толькі заўважыць штосьці падазронае. А качак на любым рыбгасе можна добра разглядзець толькі ў трубу. Аказалася – у сенегальцаў няма традыцыі палявання на птушак. Яны – нацыя рыбакоў. Таму нават "нашы" качкі-чыркі і шыраканоскі адчуваюць там сябе ў поўнай бяспецы. Можа, гэтыя некалькі месяцаў спакою і "курортных умоваў" сапраўды вартыя небяспечных далёкіх пералётаў?

Пакуль яшчэ не надышла дзённая спякота, птушкі спяшаюцца па сваіх справах – шэрыя, вялікія і малыя белыя чаплі, шпорцавыя і нільскія гусі, свяшчэнныя ібісы, каравайкі, бакланы, пеліканы, колпіцы лётаюць сюды-туды. Усё сціхае перад апоўднем, каб зноў ажыць праз некалькі гадзін.

Увечары ўсё паўтараецца ў адваротным парадку. Супакойваюцца ткачыкі і цістыкалы. Паўгадзіны збіраюцца і паволі заціхаюць у рагозе тысячы ластавак-зямлянак, з днёўкі ляцяць у пойму кваквы, пралятаюць ібісы. Ужо ў змроку ластавак-зямлянак на балоце змяняюць стэпавыя ціркушкі. Як вялікія ластаўкі, яны нізка лётаюць і палююць над балотам, і застаецца толькі шкадаваць, што сеткі ўжо зачыненыя на ноч.

ZYDRUNAS PREIKSA

Вынікі

Вынікі экспедыцыі ў Сенегал былі ашаламляльнымі. Нашай экспедыцыяй было злоўлена 56 вяртлявых чаротавак – больш, чым рэгістрацый вяртляўкі на зімоўцы за ўсю гісторыю. Пры гэтым, на адным месцы – у Тыгеце – адлоўлена 34 птушкі. Усяго за 2 тыдні працы экспедыцыі ў Нацыянальным парку Джудж і яго ваколіцах было акальцавана 1938 птушак 21 віду. Кальцаваліся толькі мігруючыя птушкі, афрыканскія аседлыя віды выпускаліся без кальцавання.

На жаль, ніводнай вяртлявай чаротаўкі, акальцаванай на месцы гнездавання, знойдзена не было. Таму дакладна сказаць, чые ж птушкі зімуюць у Джудж, дапаможа толькі генетычны аналіз альбо далейшыя адловы на месцах гнездавання і зімоўкі. Але, да вялікай радасці іспанскіх удзельнікаў экспедыцыі, адна з чаротавак была з іспанскім кальцом. Птушка была акальцаваная некалькі гадоў таму на міграцыі.

Таксама сярод цікавых знаходак была белая пліска з кальцом з Ісландыі. Шматлікія адловы пагоніча-крошкі, першыя для рэгіёну, падкрэслілі надзвычайную значнасць балот Джудж для зімоўкі гэтага рэдкага віду.

Аналіз геабатанічных мапаў паказаў, што агульная плошча прыдатных да зімоўкі вяртлявай чаротаўкі балот уздоўж ракі Сенегал складае каля 10 тысяч гектараў. Гэта значыць, што ў Нацыянальным парку і яго ваколіцах можа зімаваць да 10 тысяч вяртлявых чаротавак – ад 25 да 30 % сусветнай папуляцыі віду.

Для мяне асабіста гэтая экспедыцыя стала адкрыццём Афрыкі – яе прыроды, народаў. Дарэчы, уражанні пра жыццё і быт сенегальцаў вартыя асобнага артыкулу. Колькасць і відавы склад птушак – проста ашаламляльныя – у актыў занесены 84 новыя віды. І гэта пры тым, што перамяшчэнне па тэрыторыі парка было абмежавана двума месцамі лоўлі і базай. Спіс відаў, адзначаных падчас экспедыцыі, дасягнуў 271.

Перспектывы

Радасць адкрыцця месцаў зімоўкі вяртлявай чаротаўкі на балотах поймы ракі Сенегал азмрочана адчуваннем надзвычайнай крохкасці гэтых экасістэм, як і ў цэлым незямной прыроды Афрыкі. Індустрыяльнае развіццё, пастаянны недахоп прэснай вады, растучыя патрэбы ў прадуктах харчавання штурхаюць мясцовае насельніцтва да асвойвання прыроды.

Шмат мажлівых месцаў зімоўкі вяртлявай чаротаўкі ў Сенегале ўжо трансфармавана ў сельскагаспадарчыя землі – у першую чаргу, рысавыя чэкі. Асушаны і пераўтвораны ў палеткі цэлыя азёры. І працэс асвойвання зямель ідзе вялікімі крокамі. Дадайце да гэтага паступовае наступленне Сахары на вільготную зону Сахель, у якой і знаходзяцца месцы зімоўкі вяртлявай чаротаўкі, – працэс, які значна прыспешаны глабальным пацяпленнем.

Нашы сябры са службы аховы нацыянальных паркаў Сенегала настроены вельмі рашуча: захаваць месцы зімоўкі вяртлявай чаротаўкі ў Нацыянальным парку Джудж. Але яшчэ больш актыўная праца патрэбная па-за межамі парка – і ў першую чаргу, па пошуку іншых важных для зімоўкі віду месцаў і іх ахове.

CARLOS MARTINEZ
Качкі-удовушкі

In the rubric «Around the World» Viktar Fenchuk tells about the activities of an international expedition of BirdLife International Aquatic Warbler Conservation Team (AWCT) which spent 3 weeks in January–February 2007 in the north-west of Senegal searching for wintering sites of globally threatened Aquatic Warbler. Already on the fourth day of the expedition, the first Aquatic Warbler was caught. Subsequent search discovered more wintering sites of the Aquatic Warbler in Djoudj National Park - an IBA and Ramsar site in north-west Senegal. Analysis of vegetation maps of the region showed that suitable wintering habitats cover about 100 square kilometers. Preliminary, the team estimates that as many as 5–10 thousand Aquatic Warbler (or up to 1/3 of the total population of the species) winter in Djoudj NP. The success of the expedition is based on a long and detailed preparatory work. Over previous five years the researchers from AWCT used both advanced laboratory research and traditional field work in order to solve the mystery of wintering grounds of the Aquatic Warbler. In order to narrow down the geographical range, ornithologists analysed isotope patterns of feathers of resident African species and the Aquatic Warbler. Climatic modeling and analysis of existing records of the Aquatic Warbler in Africa narrowed the possible range further. Participants of the expedition noted that wetlands of Western Africa are being actively transformed now - shallow lakes and mires are drained for rice planting, one of the main food product of local people. This is why the remaining wintering sites of the Aquatic Warbler need to be found quickly in order to ensure their protection. The success of the expedition inspires ornithologists to further research, like implementation of satellite image analysis will allow finding other similar sites in West Africa .

Вялікія бакланы

KLEMENS STEIOF

Афрыканская змяяшыйка

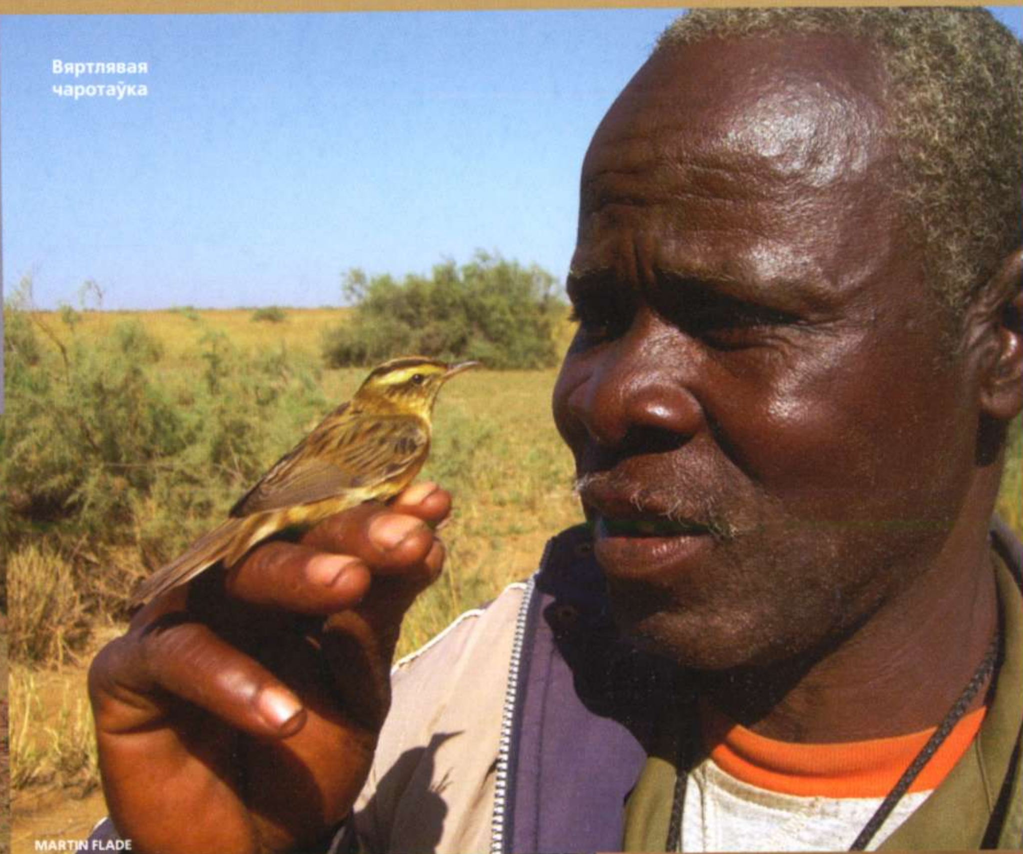
KLEMENS STEIOF

ДЗЕ ЗІМУЕ ВЯРТЛЯВАЯ ЧАРОТАЎКА?

Шпорцавая кнігаўка

ZYDRUNAS PREIKSA

Вяртлявая чаротаўка

MARTIN FLADE

Афрыканская якана

KLEMENS STEIOF

Белыя пеліканы

KLEMENS STEIOF

Жоўтая чапля

LARS LACHMANN

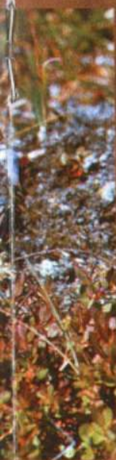

НА ТЕТЕРЕВИНОМ ТОКУ

Болото Пострежское, Березинский биосферный заповедник

Фото Игоря БЫШНЕВА

Дупель ***(Galinago media)***

Фото Василия ФЕДОСЕНКО

В ПОИСКАХ ДУПЕЛЯ

Эдуард МОНГИН
фото автора

Быть может, далеко не всем посчастливилось встречать и наблюдать дупеля в естественных условиях. Это, конечно, связано с рядом причин – и редкость вида во многих регионах, и особенности токового поведения и образа жизни, а также немногие местообитания, которые вид избирает для гнездования.

Вплотную заняться изучением дупеля мне пришлось лишь в 2000 году, когда возникла необходимость оценить численность и современное состояние этого вида. Передо мной сразу же возник ряд вопросов: какие местообитания используются дупелем для гнездования, где находятся тока и какие методы использовать для учетов? Как ни странно, хотя дупель и был в середине 1950-х годов обычным видом, сведений о нем, так же, как и публикаций, оказалось немного.

Прежде чем приступить к поискам, я попытался обобщить данные об известных токах дупеля, так как основным методом учета является подсчет токующих самцов. На одной из конференций, посвященных изучению куликов, мне удалось познакомиться с одним из ведущих специалистов по дупелю – Джоном Каласом из Норвегии, который и рассказал о методах учета вида. Беседуя с Джоном и другими специалистами, изучающими дупеля в Литве, Латвии и Эстонии, я понял, что задача предстоит нелегкая, как при поиске мест токования, так и при учете птиц.

Особенностью дупеля, в отличие от других представителей рода, являются групповые брачные игры самцов на земле. Причем токование, как и сбор самцов к месту тока, происходит в сумерках, после захода солнца. Авторы по-разному описывают звуки, издаваемыми самцами при токовании. Эти звуки часто сравнивают с треском зубьев пластмассовой расчески, по которой проводят пальцем. Как мне пришлось впоследствии убедиться, предельная слышимость токующих птиц – 200, в редких случаях 300 метров.

Опрос знакомых охотников и орнитологов помог выяснить лишь отдельные места токования дупеля и территории, где птицы встречаются в послегнездовой период. Причем многие

места, о которых упоминали мои коллеги или литературные источники, настолько изменились, что встретить там дупелей не представлялось возможным. Таким образом, поиск дупеля стал для меня чем-то вроде игры в прятки. Днем я осматривал пойменные луга и заболоченные участки в надежде вспугнуть птиц, а в сумерках шел по маршруту, жадно прислушиваясь к вечерним звукам.

Вспоминаю, как проходили поиски дупеля в районе Желто-Неманского канала. Об этих местах я впервые услышал от небезызвестного орнитолога В.Н. Дучица, он и рассказал о необычном токе дупелей, который ему пришлось однажды услышать во время охоты на тетеревов. Сам дупелиный ток располагался на заболоченном участке, недалеко от края леса, и, по словам Дучица, создавалось впечатление, что на одном месте токовало не менее 50 птиц. Туда я поехал вместе со своим другом Николаем. Конечно, с тех пор прошло, наверное, не менее 40 лет, но все же картина, представшая нам, была удручающей – кругом простирались безжизненные мелиорированные поля, поросшие чахлыми ивовыми кустами по краю каналов. Лишь местами встречались одиночные пары чибисов, да некоторое оживление вносили бодрые трели полевых жаворонков. Проехав всю мелиорацию, я не сомневался, что дупелю здесь не выжить, ведь питается он, главным образом, земляными червями, зондируя почву, а твердая мелиорированная почва не благоприятна ни для земляных червей, ни для способов их добычи.

Возникла мысль поискать птиц на пойменных лугах Немана в устье канала. Обширные пространства с пастбищными лугами и заболоченные понижения у стариц, которые открылись нашему взору, создавали, на первый взгляд, благоприятную картину для существования дупеля. Однако нас постигло разочарование: тщательный поиск кормящихся птиц днем и прослушивание токующих дупелей с наступлением сумерек ничего не дали. Вероятно, все же песчаные почвы в этом месте и неглубокие староречья, пересыхающие к июню, не создали подходящих условий для существования птиц. Разочарованные, мы с Николаем решили перенести наш лагерь поближе к лесу в районе Желто-Неманского канала. Нам приглянулся заболоченный участок мелиорации, где какая-то добрая душа перекрыла шлюз на одном из каналов и несколько чеков было залито неглубокой водой. Над заболоченными участками с «блеющими» звуками летало четыре или пять токующих бекасов, что и определило наш выбор. Свою палатку мы раскинули прямо на краю дамбы. Проводя учет бекасов на заболоченном участке, мы неожиданно вспугнули птицу, выпорхнувшую из разреженной осоки в десятке шагов от нас. Полет более тяжелый и прямолинейный, чем у бекаса, взлет без вскрика, а главное – блеснувшие белые перья по краю хвоста сразу же подсказали, что перед нами – дупель. Какова же была наша радость, когда мы вспугнули еще десяток дупелей на этом же участке! С наступлением сумерек мы принялись за поиски самого тока. К великому изумлению, он оказался в непосредственной близости от нашего лагеря. Несколько десятков самцов самозабвенно производили трещащие трельки, иногда подпрыгивая между разреженными зарослями осоки и ситника. К звукам токующих дупелей примешивались односложные посвисты погонышей и трещащие крики коростелей. Картину ночной жизни оживляли неожиданные взлаивающие вскрики косуль, доносившиеся из разных краев мелиоративной системы. Пожалуй,

только здесь мне довелось слышать сразу столько косуль за один раз. Но к радости от находки дупелиного тока и полноты картины звуков ночной жизни была добавлена и ложка дегтя. В ночи раздавались выстрелы и мелькали фары прожекторов нескольких джипов, на которых охотились на косуль какие-то браконьеры.

Другой запомнившийся мне в том же году случай, когда был обнаружен ток дупелей, связан с поисками на реке Щара. После длительного переезда мы с Николаем наконец добрались до открытых пойменных лугов, не подвергшихся мелиорации. Обширные участки разнотравья на торфянистых берегах реки и более сухие гривы, простиравшиеся вдоль ее русла, а также сенокосы и выпас на лугах в данном месте, казалось, создавали все благоприятные условия для гнездования дупелей. С помощью длиной веревки мы тщательно прочесали участок. Такой метод используется для вспугивания затаившихся дупелей.

К нашему удивлению, пройдя не менее трех километров, мы не обнаружили ни одного дупеля. Лишь одиночные бекасы выписывали виражи над головой, да тревожно вскрикивали чеканы, сидевшие, будто сторожа, на сухих стеблях прошлогодних трав. Интуиция, основанная на опыте поиска многих мест токования, подсказывала, – место является вполне подходящим для обитания дупелей. Но, тем не менее, поиск ничего не дал. Не дало результатов и прослушивание токующих дупелей в сгущающихся сумерках. Разбив лагерь и утешаясь чаем у костра, мы с Николаем обсуждали постигшую нас неудачу и строили дальнейшие планы по поиску неуловимых дупелей. Вокруг нас, как обычно, звенели проголодавшиеся стайки комаров, отовсюду слышались голоса лягушек, не умолкающих в ближайших староречьях. Каково же было наше изумление, когда ровно в полночь мы услышали несколько далеких трелей дупеля прямо напротив нашего лагеря! Быстро собравшись, мы прошли к месту тока. Он был расположен метрах в двухстах от нас. Лишь тихая безветренная погода позволила услышать токующих дупелей. Около двадцати птиц собралось на сухой гриве, возвышающейся среди заболоченного луга. Хотя наибольшая активность дупелей и наблюдается в полночь и даже позже, тем не менее, в районе тока одиночные самцы могут быть услышаны даже днем, а уже в девять-десять часов вечера в мае на току всегда собирается большая часть самцов.

Такое чередование поисков и неожиданных удач, когда наконец-то находишь новый дупелиный ток, скрашивает все трудности полевой работы и навсегда остается в памяти.

Что же дали наши поиски дупелиных токов и учеты птиц? Оказалось, большая часть мест токования находится на заливных пойменных лугах (71%). Современная площадь пойменных лугов – основных мест обитания дупеля – в республике составляет лишь около 1,7 тыс. кв. км. При этом следует учесть, что дупеля, в силу специфики своего питания, заселяют далеко не каждый луг. Часть токов обнаружена на открытых низинных и переходных болотах (24%), которых, к сожалению, у нас сохранилось и вовсе немного. Лишь отдельные тока (около 5%) были обнаружены на мелиорированных землях, и то в этом случае места токов находились на вторично заболоченных участках. Изучение распределения токов и учеты птиц позволили дать новую оценку численности дупеля в Беларуси, которая составляет около 5000 самцов. В настоящее время данные статистики позволяют говорить о 2-2,5-кратном сокращении популяции вида у нас в стране только из-за уничтожения и трансформации благоприятных для вида местообитаний.

Надо сказать, что далеко не все люди понимают необходимость включения дупеля в Красную книгу, и часто, особенно среди охотников, раздаются недоуменные голоса по поводу запрета охоты на дупеля. К сожалению, не все охотники представляют, насколько плачевна ситуация с местообитаниями дупеля и состоянием его европейской популяции, а у некоторых существует лишь потребительское отношение к охотничьим видам.

Часто и в прессе появляются статьи, которые не раскрывают существующего положения дел с охраной птиц и дупеля – в частности. Так, в одной статье, которую я в свое время прочитал, автор пишет, что «включение некоторых видов птиц, в том числе и дупеля, направлено на свертывание охоты в угоду группы людей, ориентирующихся на Запад». А далее тот же автор указывает: «Дупель – процветающий вид болотно-луговой дичи. Его численность стабильна и достаточно высока (около 900 тыс. особей накануне открытия охоты). Охотники имеют право снимать «урожай» болотной и другой пернатой дичи, который они вырастили в своих угодьях, чтобы он не остался на «корню» и не улетел в другие страны в качестве бесплатного подарка Западной Европе, где его охотно примут местные охотники».

Когда в прессе появляются статьи с подобного рода высказываниями, поневоле задумываешься: а есть ли будущее у братьев наших меньших и не станет ли дупель действительно «последним из могикан»? Конечно же подобные статьи, прежде всего, связаны с тем, что люди мало знакомы с профессиональными работами орнитологов и не представляют реальную ситуацию с конкретными видами ни в Беларуси, ни в Европе. Наверное, правы все же были те известные зоологи-натуралисты, которые посвятили немало своего времени литературному творчеству. Так, например, еще Е.П. Спагенберг писал: «Я понял, что необходимо уметь писать не только научные, но и научно-популярные книги. Ведь их прочтет и оценит не узкий круг специалистов, а масса людей, причем людей самых разнообразных профессий и возрастов».

В заключение надо сказать, что в большинстве европейских стран (Франция, Германия, Англия, Нидерланды, Дания, Финляндия) дупель не является охотничьим видом и охраняется. Особое внимание уделяется охране этого вида на территориях тех стран, где дупель гнездится (Норвегия, Швеция, Латвия, Литва, Эстония, Польша). Однако интенсификация сельского хозяйства, обвалование рек и мелиоративные работы по-прежнему несут угрозу для существования вида. В Западной Европе наиболее крупная гнездящаяся популяция дупеля сохранилась в Норвегии – 5-15 тысяч пар, а среди остальных стран только в России дупель еще достаточно многочисленный вид, да и то его численность по последним данным там оценивается в 50-140 тысяч пар.

Некоторые положительные тенденции в области охраны дупеля можно привести на примере Латвии, где мне довелось побывать в прошлом году. В связи с сокращением выпаса и сенокошения на лугах (следствие кризиса в животноводстве) многие местообитания дупеля стали зарастать высокой травой, кустарником и деревьями. Для сохранения открытых луговых местообитаний, важных не только для дупеля, но и других видов птиц, в Латвии применяется оригинальный менеджмент. Луга не только стали прокашивать при поддержке специальных фондов, а кустарники вырубать, но в некоторых местах решили содержать на вольном выпасе тарпановидных лошадей и высокогорных шотландских коров, которые могут обходиться подножным кормом круглогодично.

Мне хочется надеяться, что дупеля все же не ждет участь «последнего из могикан», и совместные усилия орнитологов, любителей природы и грамотных охотников сохранят этот вид для наших потомков. Пусть по-прежнему под покровом ночи на лугах и болотах будут проходить токовища этих необычных птиц и звучать их трели!

In his article «Searching for the Great Snipe» Dr Eduard Mongin writes about the Great Snipe - a rare wader included into Red Data Book of the Republic of Belarus. The author shares his experience in Great Snipe research. Great Snipe stands out among other species of its genus by courting of males on the ground. Great Snipes come to the lek and start courting only after dusk, their characteristic crackling can be heard from maximum 300 meters.

The results of filed research showed that the majority of Great Snipe leks in Belarus are found on floodplain meadows (71%), but the total area of such habitats in the country is now only 1,7 thousand square kilometers. Leks are also found at open low and transitional mires (24%), the area of which has dramatically decreased because of drainage. And only very few leks (about 5%) were found on meliorated lands, and even in this case they were located in re-wetted areas. The research on the distribution of leks and censuses of males allowed to give a new population estimate of the Great Snipe in Belarus of 5000 males. Statistical data confirms a 2-2,5 times decline of the population of the species in Belarus only because of destruction and transformation of suitable breeding habitats. This is why inclusion of the Great Snipe into the Red Data Book of the Republic of Belarus is very timely. In the majority of European countries (France, Germany, UK, Netherlands, Denmark, Finland) the Great Snipe is protected and hunting of the species is not allowed. The Great Snipe enjoys an especially high level of protection in the countries where it breeds (Norway, Sweden, Latvia, Lithuania, Estonia, Poland). Despite that, intensification of agriculture, diking of rivers, drainage still pose a threat to existence of the species. In Western Europe the largest breeding population of the Great Snipe is in Norway - 5-15 thousand pairs, and only in Russia it is still abundant elsewhere.

ПОСЛЕДНИЕ БОЛОТА?

Судьба болота Морочно как отражение проблем охраны и использования торфяных болот Беларуси

Александр КОЗУЛИН, Сергей ЗУЕНОК

Одна из важнейших глобальных проблем – проблема дефицита энергоресурсов, остро вставшая перед человечеством во второй половине прошлого века, с началом нового тысячелетия словно обрела второе дыхание, ознаменовавшись значительным увеличением потребления природных энергоносителей, ростом их рыночной стоимости и, как следствие, катастрофическим сокращением их мировых запасов. Не менее серьезной является и другая, на первый взгляд, далекая от вопросов энергетики проблема глобального изменения климата, являющаяся на самом деле прямым следствием бездумного сжигания в топках угля, торфа, нефтепродуктов, дров, словом, всего того, что служит источником тысяч и тысяч тонн попадающих в атмосферу парниковых газов.

Многие миллионы лет диоксид углерода (CO_2) извлекался из атмосферы растениями и животными, включаясь в протекающие в них биохимические процессы, переходил в сложные органические соединения, а затем, после гибели хозяев, превращался в каменный уголь, лигнин, нефть, торф. Как ни парадоксально это звучит, но современный человек, сжигая в топках, печах и двигателях внутреннего сгорания природные виды топлива, буквально за пару столетий возвратил в атмосферу большую частьпрактически весь диоксида углерода, копившегосяийся в недрах земли в течение многих миллионов лет.

Подобно оконному стеклу в оранжерее, диоксид углерода (CO_2), равно как и другие парниковые газы (метан CH_4 и закись азота N_2O), позволяет видимой части солнечного излучения (свет) проходить к поверхности Земли и задерживает инфракрасное излучение (тепло), которое источает наша планета. Это явление получило название парникового эффекта и стало особенно заметным в последние десятилетия. Дальнейшее накопление в атмосфере парниковых газов может привести и уже приводит к изменениям глобального климата планеты. Следствием этих изменений в уже обозримом будущем станет повышение уровня мирового океана, затопление прибрежных территорий, учащение природных катаклизмов (наводнения, засухи, ураганы), изменение урожайности, исчезновение ряда экосистем и обеднение биологического разнообразия.

Свою лепту в глобальные изменения климата вносит и Беларусь. Кроме промышленных выбросов, значительное количество диоксида углерода в атмосферу добавляют в результате минерализации осушенные и выработанные торфяники, а также деградированные болота. Для того чтобы избежать дальнейшего изменения климата, необходимо сократить или хотя бы стабилизировать выброс парниковых газов в атмосферу. Единственный к этому путь – замена ископаемого топлива другими возобновляемыми источниками.

Чтобы поощрить поиск таких источников, Европейский Союз предоставляет льготы по налогообложению на энергию, полученную из возобновляемой биомассы, и, наоборот, повышает налоги на энергию, полученную из ископаемых источников – торфа, каменного угля, нефти. Помимо этого прилагаются значительные усилия для перехода на атомную энергию, а также на поиск новых революционных технологий производства энергии.

Выделение в атмосферу парниковых газов является лишь одним из следствий того, что люди бездумно сжигают такое невосполнимое природное образование, как торф. При образном сравнении такой способ получения энергии немногим более выгоден, чем, если бы мы сразу бросали в огонь банкноты – ведь использовать торф можно с гораздо большим экономическим эффектом в химической, парфюмерной, фармацевтической промышленности. В настоящее время в мире наблюдаются два противоречащих друг другу процесса. С одной стороны, растет понима-

ние значимости и необходимости сохранения торфяных болот как уникальных природных экосистем, запасающих углерод и имеющих незаменимое значение для сохранения биологического разнообразия. С другой – во многих странах, в том числе и в Беларуси, в условиях возрастания цен на энергоресурсы лоббируется увеличение добычи торфа и использование его в качестве топлива.

Для того чтобы хоть как-то смягчить удар, наносимый природе, во многих странах ограничивается использование торфа в качестве садового грунта и происходит постепенный переход на искусственные почвенные смеси. Так, в соответствии с планом действий по сохранению биоразнообразия, правительство Великобритании приняло обязательство о содействии в проведении исследований и разработке альтернатив использования торфа, а также рекомендовало развивать рынок заменителей торфа. Основная цель плана состоит в том, чтобы к 2010 году сократить использование торфа в садоводстве на 90%.

В Беларуси сегодня сложился определенный баланс между нарушенными и естественными болотами. После катастрофического снижения биологического разнообразия, произошедшего во второй половине XX века в результате широкомасштабного осушения болот, в наши дни экологическая ситуация несколько стабилизировалась. Большая часть сохранившихся в естественном состоянии торфяных болот получила статус охраняемых территорий. Такие болота являются подлинными островками нетронутой природы среди бескрайних осушенных полей и унылых антропогенных ландшафтов. Осушение же этих последних оазисов не только нанесет урон биологическому разнообразию, но и значительно снизит качество жизни людей. Что касается трансформированных болот, то большинство из них после выработки торфа полностью превращаются в бросовые земли. Эти территории становятся основными источниками торфяных пожаров, пыльных бурь, приводят к региональным нарушениям гидрологического режима.

К настоящему времени в торфяной промышленности Беларуси сложилась серьезная ситуация, связанная с тем, что в зоне деятельности предприятий все торфяные месторождения уже выработаны. Отсюда вытекает закономерный вопрос: что же делать – осушать последние оставшиеся в естественном состоянии участки близлежащих болот, уже успевших получить статус охраняемых территорий, или переносить предприятия на новые, неохраняемые территории, где пока еще имеется достаточная сырьевая база, и доводить их до такого же плачевного состояния? В абсолютном большинстве случаев местное население категорически против осушения последних в их регионах болот – люди не хотят жить в окружении безжизненных торфяных пустошей. Такой же точки зрения придерживаются и региональные власти.

Особенно показателен в этом плане конфликт, возникший на Столинщине между торфопредприятием «Глинка» и населением, живущим в окрестностях верхового болота Морочно. Свою ударную трудовую деятельность по осушению болота предприятие начало в далекие 60-е, и уже к началу нового столетия выработало большую часть отведенных под это площадей. Основная продукция предприятия – торфобрикеты, используемые местным населением в качестве топлива, а с верхового болота Морочно добывают слаборазложившийся торф и продают за границу. Очевидно, это есть один из путей «поиска альтернативных вариантов», позволяющий зарубежным странам сохранить свой национальный торфяной запас, но, увы, не решающий проблемы торфа в глобальном масштабе.

Торф, идущий на экспорт (читай: национальное богатство, продаваемое за копейки), добывается на площадке, вплотную примыкающей к верховому болоту Морочно, которое в настоящий момент включено в список потенциальных трансграничных Рамсарских угодий международного значения, имеет статус областного заказника и полный пакет документов на придание ему статуса ландшафтного республиканского заказника. Для подготовки обоснования заказника на Морочно проводились комплексные исследования, подтвердившие уникальность этого древнейшего из белорусских болот. Кроме того, было определено, что именно торфплощадка оказывает наиболее пагубное влияние на состояние болотной экосистемы – на совесть сработанная мелиоративная сеть осушает не только саму площадку, но и более 300 га примыкающего к ней болота со всеми вытекающими отсюда последствиями. К настоящему времени на этом «буферном» участке с нарушенным гидрологическим режимом исчезла большая часть типичных болотных видов животных и растений, в том числе редких и охраняемых; открытые участки болота заросли чахлым сосняком, снизилась численность тетерева, уменьшились площади клюквенников. Здесь же необходимо отметить особое значение болота Морочно в качестве одного из основных источников дополнительного заработка для местного населения. В течение сентября-октября и весной практически все жители окрестных деревень собирают на болоте клюкву и сдают ее заготовителям. В результате этого бюджет каждой семьи ежегодно пополняется на 2-3 млн. бел. рублей (около 1000 долларов США). Учитывая, что на болоте собирают клюкву от 500 до 1000 семей, то общий заработок местного населения благодаря этому болоту составляет ежегодно от 0,5 до 1 млн. долларов. И это не предел. Возможности заработка ограничиваются только проблемами с закупкой клюквы, которая, тем не менее, возрастает с каждым годом.

АЛЕКСАНДР КОЗУЛИН

По предварительным оценкам, запасы экспортного торфа на Морочно будут исчерпаны менее чем за 10 лет. Предугадывая это, руководство предприятия, беспокоясь о своем будущем, выступило с запросом отвести для добычи торфа еще около 200 га того же

болота. По закону, для отвода земель под добычу торфа необходимо получить согласие местного населения. Естественно, узнав о планах торфопредприятия, местные жители решительно выступили против осушения новых площадей болота, что и было отражено в решениях специального собрания. Кроме этого, в адрес Минприроды было направлено более 1000 писем граждан с просьбой не допустить гибели этого ценного во всех отношениях болота. Результатом такой бурной реакции местной общественности стало то, что разговоры об освоении новых площадей временно приутихли, а в район с тем, чтобы выяснить истинное положение вещей, было направлено несколько комиссий.

Сложно сказать, откуда дует ветер, однако сиюминутная выгода возобладала над здравым смыслом, и сейчас в нашей стране наблюдается очередной виток наступления торфяной промышленности на сохранившиеся в естественном состоянии болота. С 2007 года в Беларуси разрабатывается проект Государственной программы «Торф» – «Повышение эффективности и объемов комплексного использования торфа в топливно-энергетическом комплексе, сельском хозяйстве и других отраслях экономики страны». В рамках реализации этой программы, кроме других задач, планируется произвести перераспределение торфяных месторождений по целевым фондам и упростить существующую процедуру отвода площадей под добычу торфа.

Уже в настоящее время готовятся списки болот, которые будут пущены «под ковш». Оказались в их числе и некоторые особо охраняемые природные территории (ООПТ), в том числе и республиканского значения: заказник «Докудовский», ООПТ и потенциальная Рамсарская территория «Морочно». Попал в эти списки и целый ряд других не менее важных для сохранения ландшафтного и биологического разнообразия естественных болот. Самое удивительное в сложившейся ситуации то, что этот перечень составляется с учетом одной лишь экономической выгоды на несколько ближайших лет без всякого согласования с Минприроды, не говоря уже о других организациях, имеющих отношение к устойчивому использованию природных ресурсов. Упрощение процедуры отвода участков под торфодобычу и составление новой схемы распределения торфяных месторождений без учета мнений Минприроды, профильных специалистов и местного населения явится прямым нарушением Орхусской конвенции и может привести к серьезным экологическим и социальным последствиям.

Сейчас, когда мы в полной мере осознаем значимость торфяных болот и тяжесть экологических проблем, связанных с их осушением, будет совершенно непростительно наступить на те же грабли, повторив ошибки широкомасштабной осушительной мелиорации. Альтернативы есть, и наш долг перед потомками воспользоваться ими. Так, Международной группой по сохранению болот подготовлены рекомендации для ряда стран по устойчивому использованию и охране этих уникальных природных экосистем. Эти рекомендации универсальны, их можно сгруппировать в следующие основные положения:

– В первую очередь, необходимо осуществить комплексную инвентаризацию торфяных болот с привлечением специалистов по ландшафтному и биологическому разнообразию. Результаты этой работы лягут в основу новой «Схемы распределения торфяных месторождений по целевым фондам». При составлении этой схемы необходимо учитывать целый комплекс факторов и интересы всех групп населения.

– При отводе земель под добычу торфа для нужд энергетики, в первую очередь, необходимо ориентироваться на уже нарушенные и неэффективно используемые болота и только в исключительных случаях – на естественные экосистемы. (Такая практика уже внедрена в Солигорском районе в зоне деятельности Гричино-Старобинского торфопредприятия.)

– Сразу после завершения добычи торфа выработанные поля должны быть заболочены в соответствии с современными методиками, что позволит максимально быстро восстановить биосферные функции болот.

– При подготовке экономического обоснования программы «Торф» необходимо также учитывать потенциальные потери возможностей Республики Беларусь в торговле квотами по парниковым газам в рамках Киотского протокола.

Соблюдение этих условий позволит обеспечить устойчивое использование торфяных болот в соответствии с основными положениями Стратегии устойчивого развития Республики Беларусь и Резолюцией Рамсарской конвенции по «заболоченным землям и изменению климата», призывающей вовлеченные страны минимизировать деградацию торфяных болот, а также продвигать восстановление торфяников как важных хранилищ и захоронений углерода.

Все мы понимаем, что нынешний всплеск активности торфяной промышленности носит временный характер и вскоре, со строительством атомной станции, потребность в крупномасштабной добыче торфа отпадет. Однако именно за эти несколько десятков лет мы можем полностью уничтожить последние уникальные торфяные болота, которыми славится Беларусь. Что же все-таки победит: здравый смысл или погоня за призрачной выгодой? Что мы оставим нашим внукам и правнукам: цветущий край или безжизненную пустыню? Решение принимать нам.

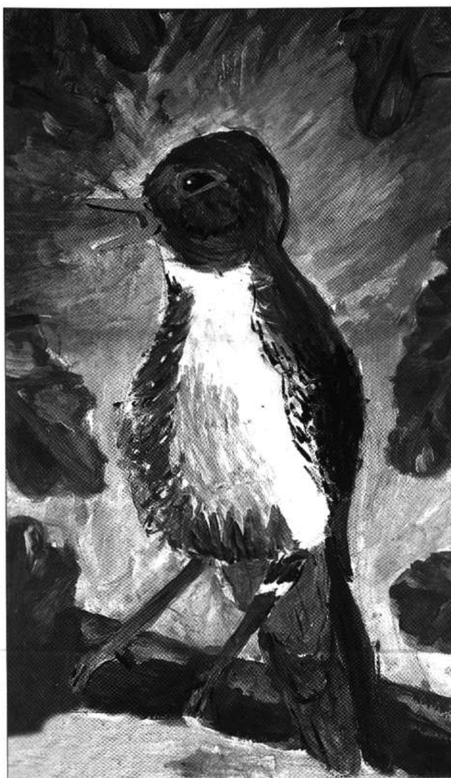
The rubric «Natural heritage» is continued by Dr Alexander Kozulin and Sergey Zuyonak and their article «The last mires». Taking Marocna mire (IBA) as an example, the authors tell about existing problems in conservation of mires in Belarus. At present, peat industry in Belarus is in difficult situation due to almost complete exhaustion of all existing peat extraction sites around peat processing factories. In order for the industry to survive, new mires need to be drained - a serious threat to many territories, including protected areas. Local people are against - nobody wants to live in a peat desert. Regional authorities take the same side. Such a conflict of interests happened in Stolin district between peat processing factory «Hlinka» and local people that live around Marocna mire. Marocna is one of the oldest belarusian mires. It is a potential transboundary Rasmar site, a special protected area, an IBA. A peat extraction site, that is established at a part of the mire already has a very negative impact on mire ecosystems. The populations of the majority of typical mire species of plants and animals, like Black Grouse, are going down. The areas and resources of Cranberries are decreasing, affecting practically all local inhabitants, for whom picking Cranberries and selling it to bulk-buyers is a substantial source of family income that brings 2-4 thousand dollars to each family each year. The resources of export peat at Marocna will be depleted in less than 10 years, and the administration of the peat factory asked for a permission to allocate further 200 hectares of mire for peat extraction. Local people were outraged when they learned about the plans to drain more areas and strongly opposed to this initiative. Over 1000 letters were sent to the Ministry of Environment asking to save this unique mire from destruction.

The problems of Marocna mire are common for a number of other mires in Belarus which can become hostages of economical situation. The authors appeal to listen to the recommendations of International mire conservation group and not to allow a quick but short term profit from peat extraction to overweigh common sense.

ЧАРОМХАВАЯ АРЫЯ

Сяргей ЗУЁНАК

На схіле красавіка, калі ўжо нават самая апантаная і прагная да птушыных спеваў душа натураліста-арнітолага ўдосталь нацешыцца і вясёлымі пераззвонамі сініц, і мажорнымі жаўруковымі трэлямі, і пяшчотнымі пералівістымі званочкамі малінавак; у той час, калі ўжо нават галасы драздоў – і тужлівыя меланхалічныя посвісты чорных, і гучныя бадзёрыя мелодыі драздоў-спевуноў – губляюць пакрысе сваю навізну; у той час, калі ўжо, здавалася б, ніводнай ноты немагчыма дадаць у велічную сімфонію веснавога лесу – гучыць яна на поўную моц, і кожны спявак ведае свой час і сваё месца на гэтым свяце гукаў, і ўсе вакансіі занятыя, і яшчэ адна, нават самая цудоўная партыя парушыла б гэтую дзіўную гармонію, на веснавой сцэне з'яўляецца новы выканаўца, які з першых нот прымушае слухача забыць усё тое, што выконвалася раней.

Малюнак Арыны Амельчанка (Мінск), 8 гадоў

Моцныя, строга акрэсленыя, дзіўнай чысціні, быццам самацветы, гукі, якія раптоўна паліліся з пакрытага пяшчотнай маладой лістотай куста чаромхі, запаўняюць усё наваколле, кожная нота, здаецца, мае матэрыяльныя памеры і форму, вось толькі працягні руку – і яна даверліва апусціцца на далонь, і ты адчуеш яе прыемны цяжар, і яе прахалоду ці гарачыню – у залежнасці ад таго, да якога з гукаў табе пашчасціла дакрануцца...

Зачараваны слухач не адрывае позірку ад спяваючай чаромхі, ногі самі пачынаюць рабіць асцярожныя крокі, усе бліжэй і бліжэй да запаветнага куста, і сэрца замірае ад страху – а што як усё гэта прымроілася, і чароўны канцэрт абарвецца раптоўна, быццам дзіўны сон?..

...Вось чаромха ўжо зусім побач, да яе ўжо можна дакрануцца рукой, а гукі льюцца куплет за куплетам, і нарэшце ўсё на свеце адыходзіць на другі план, робіцца дробным і нязначным, а застаюцца толькі цёплы веснавы вечар, чаромхавы куст, таямнічы спявак, слухач і Песня.

Яшчэ крок-другі, і чаромхавыя галіны, прапусціўшы слухача пад свае шаты, мякка пружыняць і змыкаюцца за спіной. Густы і шчыльны звонку чаромхавы куст знутры ўтварае нешта накшталт паўсферычнай залы – некалькі старых перакручаных вузлаватых ствалоў-калон падымаюцца з аднаго кубла, на пэўнай адлегласці кожная з іх дзеліцца на некалькі танейшых галін, тыя, у сваю чаргу, на яшчэ больш тонкія, і гэтак далей, а ў рэшце рэшт самыя маленькія з галінак даюць пачатак маладым пяшчотна-зялёным лісцікам, якія танюткім ажурным покрывам ахутваюць галлё, дзе-нідзе накшталт вітражоў прапускаючы ў сярэдзіну куста апошнія нясмелыя праменьчыкі вячэрняга сонейка. Сапраўдны харал, сціплы і адначасова велічны – рэдкае спалучэнне якасцей, уласцівае толькі тварэнню вялікага майстра, імя якому – Прырода. І раптам прыходзіць разуменне, і ўсё становіцца на свае месцы – тут, толькі тут і больш нідзе можа знаходзіцца выканаўца, іншыя сцэны проста не яго ўзроўні!

Песня нечакана змаўкае, і пад чаромхавымі шатамі ўсталёўваецца пранізлівая – да звону ў вушах – цішыня, цішыня, якую можна пачуць толькі ў оперы, у той кароткі момант між апошняй нотай і пачаткам авацый, пакуль зала яшчэ не выйшла са здранцвення. Але як і на вялікай сцэне Прыма не можа вось так проста пакінуць сваіх прыхільнікаў, так і наш выканаўца не спяшаецца завяршаць свой першы ў гэтым сезоне канцэрт. Вось ён, нарэшце заўважаны, уладкаваўся на сухой галінцы – невялікі, падцягнуты, на высокіх стройных нагах, быццам апрануты ў буравата-карычневы фрак з фалдамі, падабенства да якіх прыдаюць крыху разгорнутыя і апушчаныя долу крылы. Сціпла і велічна, усё тая ж класіка жанра! Чорнае вока-каралінка насцярожліва пазірае на застыўшага амаль на адной назе натураліста, і кожны з іх – птушка і чалавек – нейкі час баяцца нават зварухнуцца. Хвіліна, другая, пятая, і нарэшце лёд недаверу растапляецца. Птушка, якая сядзела дагэтуль на паўзварота да парушальніка яе адзіноты, грацыёзна крутанушыся на тонкіх нагах, займае пазіцыю «анфас» – хочацца верыць, што зусім не для таго, каб лепей сачыць за чужынцам, а менавіта падпарадкоўваючыся тэатральнай этыцы, – крыху выцягвае шыйку, і пачынаецца Песня. Яна гучыць сапраўдным гімнам вясне і птушынаму каханню, і каханню людскому, і ўвогуле – усяму самаму добраму і цудоўнаму, што толькі можа адбывацца гэтым лагодным красавіцкім вечарам. І атрымліваецца ўсё гэта ў птушкі неяк будзённа і нязмушана, як і павінна атрымлівацца ў сапраўднага майстра, і толькі трапятанне пярынак на птушынай шыйцы вызначае крыніцу гукаў, і немагчыма спасцігнуць розумам, што гэтая танюткая шыйка, гэтае трапяткое пер'е і Песня – адзінае непарыўнае цэлае...

Раптоўна, абарваўшы песню на паўноце, птушка робіць узмах крыламі і знікае паміж ужо ледзь бачнымі ў вячэрнім змроку чаромхавымі галінкамі. Натураліст выпроствае здранцвелую нагу і знясілена апускаецца на замшэлы корч. Дзесьці непадалёку, быццам апускаючы слухача з нябёс на зямлю, хоркае слонка. Усё. Працягу больш не будзе.

Шкада, вельмі шкада, але што зробіш – цуда не можа быць бясконцым, інакш яно проста перастане быць цудам.

«Bird cherry aria» – a lyric essay by Sergey Zuyonak about spring vocal concerts of Nightingale – «Bird of Year 2007» in Belarus.

ОБОЛЬСКОЕ БОЛОТО – ЖЕМЧУЖИНА ПООЗЕРЬЯ

Владимир ИВАНОВСКИЙ

Свое название Обольское болото получило от г.п.Оболь, начинается оно не более как в трех километрах от этого населенного пункта к северу и тянется на 13 км. Его площадь – около 5000 га. Естественным образом Обольское болото двумя грядами островов делится на три части. Только самым подготовленным и выносливым исследователям удавалось за один летний день пересечь Обольское болото с юга на север по самому большому диаметру и заслужить титул «тигр болот». Я знаю пока только двух человек, которые смогли это сделать. Как правило, за день удается познакомиться только с одной частью болота: южной, центральной или северной. Итак, начнем.

ВЛАДИМИР ИВАНОВСКИЙ

А начнем мы с самой доступной – южной – части, вернее, с ее окраины. Слева и справа видны мысы смешанного леса, вдающегося в болото. Но уже через 15 минут ходьбы мы оказываемся у абсолютно открытого «чистика», где ветер шелестит лишь невысокими осоками. Здесь, на «чистике», делаешь для себя неожиданное открытие – ты идешь по сплавине погребенного озера. Сплавина прогибается под тобой, и нужно держать ухо востро, чтобы не угодить в грязевую ловушку.

Все три части болота заметно отличаются друг от друга. В южной части много сплавинных открытых участков переходного, а в некоторых местах, у берега и островов, даже низинного типа. Здесь, кроме осок, можно встретить сабельник, вахту, пузырчатку, иву лапландскую и краснокнижный вид – иву черниковидную. Кроме того, здесь встречается несколько видов наших северных орхидей. И птицы здесь гнездятся характерные: в самом центре «чистика» расположилась крупная колония больших веретенников. Под их защитой обосновались отдельные пары чибисов, фифи, бекасов, травников. Там, где доминируют участки верхового болота, слышны печальные посвисты золотистых ржанок, самцы которых, как часовые, стоят на моховых кочках. По краю болота на переходных участках тревожно перелетают с места на место большие кроншнепы – самые крупные кулики Беларуси. Если постоять на «чистике» хотя бы час, удается увидеть кружащихся над ближайшим островом канюков и осоедов – там их гнезда. Низко над тростниками, узкой полосой окаймляющими один из болотных островов, пролетел самец лугового луня. Вдруг неожиданно над крупным сфагновым сосняком у берега болота появилась крупная хищная птица со светлым низом. Лихорадочно ловим ее силуэт в видоискатель бинокля... Так и есть. Это – змееяд!

Начинаем двигаться на запад и, пройдя два небольших островка, попадаем к месторасположению колонии сизых чаек в 25-30 пар. Этот участок практически непроходим – чередование открытой воды небольших озер, проток между ними, травяных и грязевых топей. Под прикрытием колонии успешно гнездятся кряквы, хохлатая чернеть, чирки-свистунки, вездесущие чибисы и травники.

Дальше от колонии наш путь лежит на север к далеким лесным островам, за которыми начинается центральная часть болота. Неподготовленным людям этот путь заказан – это самый трудный участок маршрута, особенно в июне-июле, когда с большим трудом вытаскиваешь сапоги из пропитанного водой мха, глаза заливает соленый пот, а многочисленное племя слепней ни на секунду не дает забыть, что это не сон. Зато те, кто рискнет, имеют шанс спугнуть в зарослях болотного мирта или багульника болотную сову...

Итак, за хутором Вишня мы выходим на берег центральной части Обольского болота. Вдоль берега идет "чистик" шириной примерно 100 метров, а за ним – сфагновый сосняк. Наше путешествие сопровождают песни лесных коньков и беспокойные крики больших пестрых дятлов. Постепенно сфагновый сосняк становится все ниже и ниже, а кроны сосен все корявей и корявей. И вот, наконец, мы оказываемся в грядово-мочажинном комплексе. Пейзаж – как из фантастического фильма. У первой же кочки мы едва не наступили на гнездо чирка-свистунка. Метров через сто наше внимание привлекает волнующийся серый сорокопут. Все чаще встречаются пары чибисов, появились золотистые ржанки. А недалеко от озера наконец-то встречаем первых средних кроншнепов. С тревожными криками над ними кружатся сизые чайки – у озера расположена их колония в 15-20 пар.

Озеро Маринец – типичное остаточное озеро округлой, словно циркулем нарисованной формы. Когда-то Обольское болото было огромным по-

слеледниковым озером. Постепенно, начиная с мелководных заливов, оно начало зарастать надводной и подводной растительностью. Не прошло и 13 тысяч лет, как образовалось болото. И на нем, как воспоминание о том далеком времени, сияют водной гладью остаточные озера Маринец, Рассолай, Бор...

Вскоре к крикам встревоженных чаек присоединяется резкое «кек-кек-кек...». Это прилетел сокол-дербник, привлеченный птичьим гвалтом. Это миниатюрный, но очень грозный для птичьей мелочи хищник. С надеждой идем к сосновой рощице в ста метрах от озера: здесь мы прикрутили проволокой к сосне прохудившееся ведро, затолкав в него моховую кочку. Взбираюсь по сосне и – о, чудо! В ведре пять яиц дербника – первая такая удача.

Озеро Маринец замечательно крупными окунями, и сюда зачастую делают набеги рыбаки, попутно разоряя гнезда сизых чаек, расположенные на моховых кочках рядом с берегом. На вероломное вторжение со стороны человека чайки отреагировали довольно неожиданно: некоторые пары стали строить гнезда на верхушках болотных сосенок. И в этот раз нам удалось найти два таких гнезда из тонких сухих веточек сосны, мха и корневищ осок.

Проходя вдоль озера, наблюдаем, как от северного к южному берегу дрейфуют два довольно крупных моховых острова. Дело в том, что северный берег в ветреную погоду постоянно размывается волнами. Волны отрывают от берега небольшие мысы, и они, пересекая озеро, сбиваются у южного берега. Маринец – своеобразное блуждающее озеро: оно ежегодно передвигается на 1-2 метра с юга на север.

От озера у нас два пути. Первый – на запад, где в километре от берега мы попадаем в настоящее куличиное эльдорадо, занимающее своеобразную пойму уникального ручья Поникша. Этот ручей неожиданно «выныривает» из-под мха в урочище «Под Березиной», течет по мху около 300 метров и также неожиданно исчезает. Потом через 400 метров он вновь появляется в виде чистейшего ключа и снова, не пробежав и сотни метров, исчезает...

Но мы пойдем не этим, а другим путем. Берем направление на северо-северо-восток в сторону самого крупного остаточного болотного водоема – озера Рассолай. Примерно через 700 метров мы вступаем в потрясающий по красоте грядово-озерный комплекс. Более сотни небольших вторичных озерец диаметром от 20 до 50 метров. Почти у каждого озерца с южной или западной стороны произрастает небольшая рощица из невысоких, но очень старых сосенок. Это царство больших улитов. Почти у каждого озерца нас встречает пара этих замечательных куликов. Они взлетают со своеобразным тревожным криком и провожают до следующего озерца, где нас, как по эстафете, встречает следующая пара. И так почти до самого озера Рассолай. Постоянно с зеркальных плесов взлетают, роняя жемчужные капли брызг, различные утки. Но больше всего здесь гоголей. Однажды в июне мне посчастливилось увидеть здесь на одном из озерец, невесть как попавшего сюда круглоносого плавунчика – кулички тундры. Периодически на самых высоких сухих сосенках мы наблюдаем бело-серые пятна. В бинокль видно, что это охотятся с присад серые сорокопуты – их гнезда иногда встречаются в сосновых рощицах у озерец.

Грядово-озерный комплекс – сердце Обольского болота. Только здесь встречаются довольно крупные плантации морошки – реликта последнего ледникового периода. А вот, наконец, и само озеро Рассолай. Более километра оно тянется с юго-запада на северо-восток. Озеро опоясывают тропы, проложенные рыбаками. Тут и там в сосняке видны следы кострищ и пеньки от срубленных сосен. На одном из деревьев расположилось старое гнездо серых ворон. Ударяю по стволу ногой, и из гнезда слетает с криком самка дербника. Вскоре к ней присоединяет свой писклявый голос миниатюрный самец. Чтобы не беспокоить соколов, мы уходит от озера. На сегодня – все. Вечер и ночь мы проведем в деревеньке Рассолай, где нас ждет накрытый стол и жарко натопленная банька.

Ранним утром следующего дня мы направляем свои стопы уже в северную часть Обольского болота. Наш путь лежит через множество островов с характерными названиями: Авласик, Долгуша, Тёмник, Горoватка... Это мир сфагновых сосняков – царство глухарей и беркутов. Глухариные тока нередки здесь на гривах. А орел-беркут с вершины своего гнезда, расположенного на огромной осине, следит за своими владениями и периодически взимает дань со своих подданных. Остатки этих «подданных» в виде костей тетеревов, зайцев-беляков, глухарей, журавлей, куниц, лис, енотовидных собак мы наблюдаем под орлиным гнездом. С огромным трудом поднимаюсь к гнезду. В нем сидит один пуховой птенец беркута и лежит яйцо-«болтун». Кольцую птенца и спускаюсь вниз.

Переходим на другой остров – здесь много старых сухих деревьев с дуплами желны. На краю одного из дупел видно серое перышко – похоже, совиное. Беру веточку и царапаю по стволу снизу вверх, изображая куницу. Тут же из дупла выглядывает мохноногий сыч. Увидев, что тревога ложная и внизу всего лишь человек, он прячется в дупле и больше не показывается. Еще на одном острове находим перо длиннохвостой неясыти. Мне известно недалеко отсюда старое гнездо ястреба-тетеревятника. Идем проверять. Так и есть: гнездо занято хозяином – тетеревятником. Значит, неясыть заняла какое-то другое гнездо, нам не известное, или же поселилась на вершине высокого осинового пня. Благо этих «остолопов», как называют такие пни лесники, здесь в изобилии. Упираемся в затопленное бобрами урочище Чернушиха и, проклиная все на свете, почти по пояс в воде пробираемся среди завалов осиновых стволов в сторону урочища Горбыль. На этом длинном высоком мысу, далеко вдающемся в сфагновый сосняк, чашкой ароматного чая мы заканчиваем наше путешествие по Обольскому болоту.

Вот так прошло несколько замечательных дней на удивительном Обольском болоте. Жаль только, что эту красоту не видят другие. Особенно хотелось бы, чтобы его узнали настоящие экологические туристы. Узнали... и оценили. Но это уже другая тема. И я думаю, что у Обольского болота будет еще свой звездный час.

Vladimir Ivanovski presents his article «Obal mire – the pearl of Paazer'e». The author invites readers to take a journey across the mire from north to south. The area of the mire is about 5 thousand hectares. It is located in the North of Belarus between Vicebsk and Polack. The northern part of the mire is the kingdom of sphagnum pine stands. One can find here large Capercaillie leks, nests of Golden Eagle. In the southern part there prevail low and transitional mires with large colonies of waders, including Golden Plover and Whimbrel. Merlins and Snake Eagles nest here. The hear of Obal mire – ridge-lake complex with hundreds of small secondary lakes with diameter of 20-50 meters and a large lake Rassalaj. This is the kingdom of Greenshanks. Only here it is possible to find Cloudberries – the relic of the last glacier period. The author hopes that in the near future Obal mire will become a «must to see» for real ecological tourists.

ОБОЛЬСКОЕ БОЛОТО

Фото Владимира ИВАНОВСКОГО и Сергея ПЛЫТКЕВИЧА

Змееяд

Гнездо сизой чайки

Птенцы скопы

Глухари

Птенцы дербника

Скопа

ИГОРЬ БЫШНЕВ

БОЛОТА БЕЛАРУСИ. МЫ ДОЛЖНЫ ИХ СОХРАНИТЬ!